

Как мир доказывает правоту Мартина Лютера Кинга о ненасилии

Эрика Ченовет и Мария Дж. Стефан 18 января 2016 г.

Активистка из Йемена Тавакуль Карман (в белом платке справа) получила Нобелевскую премию мира за ненасильственную борьбу за права женщин. Автор: Сударсан Рагхаван. Фоторедактор:

«Я покинул Индию более чем когда-либо уверенным в том, что ненасильственное сопротивление - самое мощное оружие, доступное угнетаемому народу в его борьбе за свободу». -- «Автобиография Мартина Лютера Кинга-младшего» под редакцией Клейборна Карсона.

После 2011 года мир стал очень конфликтным. Несмотря на то, что вооруженные восстания вспыхивают по всей территории Ближнего Востока, стран центральной Африки и южной Азии, насильственные гражданские конфликты больше не являются основным способом, к которому люди прибегают для восстановления справедливости. Напротив, от Туниса до площади Тахрир, от парка Цуккоти до Фергюсона, от Буркина-Фасо до Гонконга движения по всему миру перенимают опыт Ганди, Кинга и рядовых активистов для того, чтобы добиваться перемен.

Акцент, который Ганди и Кинг делали на ненасильственном характере сопротивления, в ходе которого невооруженные люди использовали скоординированные серии забастовок, протестов, бойкотов [и других акций](#) для противостояния оппонентам, порой [вызывает критику](#). Иногда причиной критики является неправильное понимание того, что представляет собой гражданское сопротивление; иногда она может быть вызвана сомнением в том, что невооруженные и угнетенные люди могут организовать и бросить вызов мощному противнику. Каждое новое движение сталкивается с одним и тем же набором проблем, включая вопрос об эффективности ненасильственных акций перед лицом прочной власти и систематических репрессий. В 2011 году мы выпустили [книгу](#), в которой рассмотрели эти вопросы, и пришли к неожиданному

выводу, что кампании ненасильственного сопротивления оказывались в два раза успешнее своих насильственных аналогов в борьбе за смещение национального лидера или получение территориальной независимости.

Этот вывод может показаться наивным, но, внимательно изучив данные, мы поняли, что кампании ненасильственного сопротивления добиваются успеха вовсе не тем, что им удастся растопить сердца своих противников. На самом деле ненасильственные методы обычно оказываются успешными, поскольку они обладают большим потенциалом для привлечения широких масс населения к участию в движении - так, в среднем, они привлекают к участию в 11 раз больше людей, чем среднестатистическое вооруженное восстание, - а также потому что являются источником серьезных изменений соотношения сил внутри противостоящего режима. Массовое участие представителей различных слоев общества в большинстве случаев воодушевляет и кооптирует реформаторов во власти, вместе с тем лишая сторонников «жесткого курса» доступа к источникам поддержки. Ненасильственный характер участия повышает шансы лишить режим поддержки, позволяя службам безопасности, экономическим элитам и бюрократии отказаться от лояльности лидерам, не опасаясь кровавого возмездия.

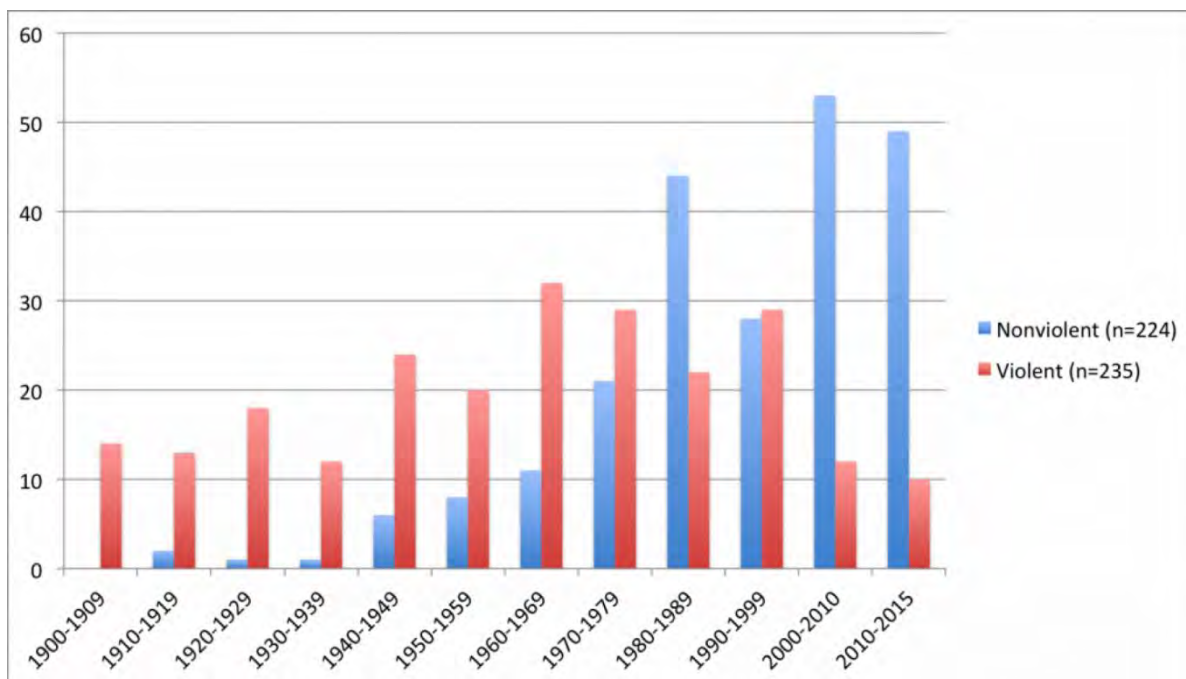
Иными словами, мы пришли к заключению, что эффективность ненасильственного сопротивления заключается не столько в его способности преобразования, сколько в его творческом потенциале и потенциале кооптации и принуждения - теория, которую десятилетиями продвигал основатель Института имени Альберта Эйнштейна [Джин Шарп](#). Конечно, не все ненасильственные кампании заканчиваются успехом. Однако в тех случаях, когда они терпели неудачу, не было надежных системных доказательств, указывавших на то, что насильственные восстания были бы более успешными.

Это был 2011 год. Сейчас уже 2016-й. Что мы узнали о ненасильственном сопротивлении за эти пять лет? Ниже мы коснемся ключевых эмпирических положений из политологии, некоторые из которых заставят людей,

сомневающих в эффективности ненасильственных действий, сделать для себя достаточно неожиданные выводы.

1. Число ненасильственных кампаний постоянно растет.

Если вам кажется, что мы живем в особенно нестабильное время, вы правы. Природа этой нестабильности уникальна для нашего времени. [Проект «Основные конфликтные эпизоды»](#) (проект по сбору и обработке данных, который возглавляет профессор Университета Денвера Эрика Ченовет) указывает на то, что кампании ненасильственного сопротивления стали модальной категорией конфликтных действий в мире. [База данных NAVCO](#), еще один проект сбора данных, в котором использовались другие первоисточники и критерии включения данных в базу, как и ряд других баз данных протестных акций, обнаруживают сходные закономерности. В то время как частота насильственных мятежей, то есть мятежей, в результате которых гибнут свыше тысячи человек, уменьшается с 1970-х годов, число кампаний, основывающихся прежде всего на ненасильственном сопротивлении, быстро растет. Стоит отметить, что эти цифры относятся к максималистским кампаниям, целью которых является смещение государственного руководства или получение территориальной независимости путем выхода из состава государства или изгнания иностранных оккупационных войск или колониальных властей.

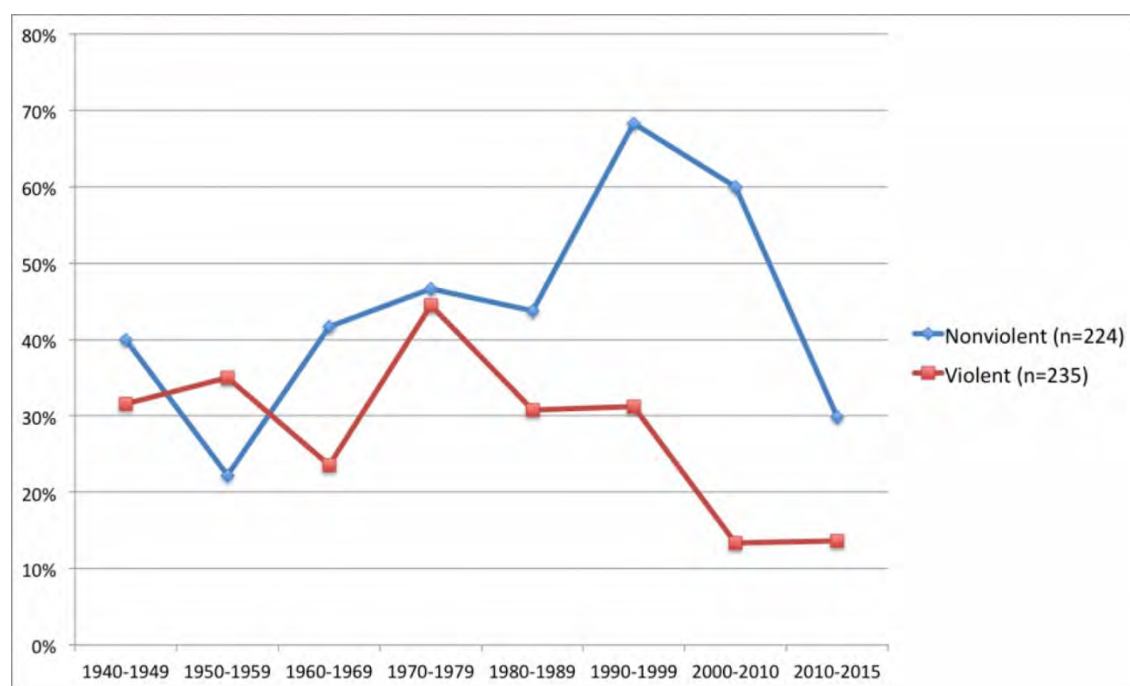

Только за первые пять лет нынешнего десятилетия мы стали свидетелями возникновения большего числа ненасильственных кампаний, чем за все 1990-е годы, и почти такого же числа, как в 2000-е. Текущее десятилетие может стать самым напряженным за всю историю с момента начала наблюдений.

2. Несмотря на растущую частоту их возникновения, уровень абсолютного успеха кампаний ненасильственного сопротивления падает.

Одновременно с резким ростом числа ненасильственных кампаний мы наблюдаем резкий скачок в кривой обучаемости. Доля успешных кампаний ненасильственного сопротивления достигла рекордного уровня в 1990-е годы, однако в текущем десятилетии уровень их успеха резко снизился,

что может быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, представители властей, возможно, усваивают уроки и адаптируются к вызовам снизу. Хотя несколько десятилетий назад они, возможно, и недооценивали потенциал народной силы, теперь, видя реальную угрозу, которую представляют массовые ненасильственные кампании для их правления, власти выделяют больше ресурсов на предотвращение сопротивления, возможно руководствуясь «[Настольной книгой диктатора](#)» Брюса Буэно де Мескита и Алистера Смита, или применяют «продуманные репрессии» для дестабилизации кампаний в случае их

возникновения. Этот феномен «приобритенной адаптации», или «[авторитаризм 2.0](#)» по определению Стивена Хейдеманна, кетчамовского профессора по изучению Ближнего Востока в Колледже Смит, является главной темой проекта «[Будущее авторитаризма](#)» в Атлантическом совете.

Во-вторых, есть вероятность, что, используя методы ненасильственного сопротивления, активисты извлекают неправильные уроки из деятельности своих современников, действующих по всему миру. Например, освещение в СМИ массовых демонстраций и забастовок в Тунисе в 2010-2011 годах могло вызвать обманчивое впечатление, что трех недель демонстраций достаточно для того,

чтобы сместить диктатора. Однако такое понимание полностью упускает из виду тот факт, что Тунис имеет недавний исторический опыт хорошо организованной рабочей активности, которая стала поддержкой восстанию, и что всеобщие забастовки могли парализовать тунисскую экономику, вследствие чего экономические и деловые элиты перестали поддерживать президента Зина эль-Абидина Бен Али, равно как и силовые структуры, которые не подчинились его приказу стрелять по демонстрантам.

Вполне нормально, что активисты вдохновляются примером своих коллег, оказавшихся в похожих условиях, однако это зачастую приводит к поражению. Так, например, [Профессор Техасского университета Курт Вейланд отмечает](#), что во время волны преимущественно насильственных революций 1848 года попытки оппозиционеров воссоздать стратегию первого восстания против французской короны пресекались более подготовленными монархами, которые имели в своем распоряжении больше ресурсов и которые, естественно, были противниками совсем другого рода. Во время более поздних восстаний этой волны правители предугадывали действия революционеров, что помогало им подавлять восстания и вызывать разногласия в рядах оппозиции с выгодой для себя. Возможно, сегодня мы наблюдаем похожую динамику, особенно на поздних этапах [региональных волн](#) восстаний.

3. Однако, как ни странно, ненасильственные кампании все же оказываются более успешными, чем насилие.

С 1960 года насильственные кампании сильно уступают ненасильственным по абсолютным показателям успеха. В совокупности с 1900 года по 2015 год ненасильственные кампании оказывались успешными в 51% случаев, тогда как насильственные кампании - только в 27% случаев. В нынешнем десятилетии к успеху привели 30% ненасильственных и 12% насильственных кампаний, что означает, что на данный момент разрыв между ними на самом деле больше среднего.

4. Массовые ненасильственные движения, как правило, не выигрывают от наличия боевых крыльев.

Одной из самых обсуждаемых тем с 2011 года является вопрос о том, насколько помогает или вредит ненасильственной кампании использование насилия в небольших дозах наряду с преимущественно ненасильственными методами. Этот вопрос часто обсуждается в США в рамках дебатов о «разнообразии тактических приемов». Однако вопрос о ненасильственных, насильственных и смешанных методах введения конфликта характерен для многих движений по всему миру, стремящихся добиться радикальных перемен. Несмотря на многочисленные выступления наблюдателей, экспертов и активистов «за» и «против», до недавнего времени этот вопрос получал парадоксально незначительную эмпирическую оценку.

В статье, недавно вышедшей в академическом журнале «Мобилизация», Ченовет и Курт Шок из Ратгерского университета использовали сравнительные данные для изучения вопроса об ограниченном применении насилия. Они пришли к выводу, что боевые крылья способны добиваться некоторых краткосрочных целей, таких как, например, привлечение внимания со стороны СМИ, создание ощущения самозащиты, распространение оппозиционной культуры для повышения вовлеченности более радикальных членов движения или достижение катарсиса через способность «выпустить пар». Однако действия боевых крыльев обычно негативно сказываются на долгосрочных стратегических планах, таких как поддержание и наращивание разнородной базы участников, расширение поддержки среди третьих лиц и побуждение органов безопасности к отказу от поддержки власти. Авторы нашли доказательства того, что наличие боевых крыльев зачастую ассоциируется с более низким уровнем участия и большей однородностью участников, тем самым ослабляя главное преимущество ненасильственного сопротивления. Авторы другого исследования также приходят к выводу, что деятельность боевых крыльев часто провоцирует репрессии со стороны государства, результатом чего становится более низкий

уровень участия в сопротивлении. Таким образом боевые крылья, очевидно, не помогают ненасильственным кампаниям добиваться успеха.

Омар Уасоу из Принстонского университета приводит **новые данные**, касающиеся политического эффекта ненасильственных протестов по сравнению с их «насильственными» аналогами. Уасоу убедительно показывает на основе данных о городских протестах афроамериканцев в 1960-е годы, что большее количество ненасильственных протестов приводило к более высокой поддержке «гражданских прав» как вопроса, вызывавшего наибольшую обеспокоенность американского общества, тогда как с большим количеством насильственных протестов росла поддержка «законности и порядка» как основной причины обеспокоенности. После 1965 года, с ростом числа насильственных протестов, общественное мнение переключилось с поддержки гражданских прав на поддержание полицией порядка, что говорит о том, что движение перестало быть привлекательным для ключевых слоев населения, на которые оно опиралось. Что примечательно, общественное мнение сыграло роль не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе: Уасоу пришел к заключению, что поддержка «законности и порядка» находилась в тесной взаимосвязи с голосами в поддержку Республиканской партии, что говорит о том, что в США результаты различных типов протестов имели долгосрочный политический эффект.

5. Ненасильственные конфликты чрезвычайно сложно предугадать.

Социологи давно пытаются понять, когда именно возникают общественные или протестные движения. Максималистские кампании ненасильственного сопротивления - это несколько другой феномен, так как они предполагают проведение крайне дезорганизующей и конфликтной серии скоординированных акций, направленных против государства с целью фундаментально изменить положение дел на общенациональном уровне. Исследования, оценивающие причины ненасильственного сопротивления, выявили многочисленные взаимно

обусловленные факторы как, например, [плотность промышленного сектора](#) (Бутчер и Свенсон, 2014), [эмоции](#) (Перлман, 2013), [географическая близость](#) (Гледич и Ривера, 2015) и [опыт протестов](#) (Брейтуэйт, Брейтуэйт и Кубик, 2015).

В 2015 году Ченовет и Джей Ульфельдер [рассмотрели многочисленные общие теории](#) массовых восстаний и пришли к выводу, что лишь немногие из них точно предсказывают точку возникновения ненасильственных кампаний. В отличие от вооруженных кампаний, переворотов или распадов государств, которые специалисты умеют прогнозировать довольно хорошо, массовые ненасильственные кампании могут возникнуть по какой бы то ни было причине практически где угодно. Часто они возникают там, где, [по мнению специалистов, должно быть очень сложно мобилизовать несогласных](#), не говоря уже о том, чтобы сделать это эффективно. И совершенно непонятно, что провоцирует эти кампании или не дает им угаснуть. Ченовет и Ульфельдер приходят к заключению, что движения народной силы настолько зависят от контекста и других факторов, что стандартные инструменты прогнозирования и структуры данных не могут точно установить причины их возникновения. Другое толкование этого вывода заключается в том, что организаторы ненасильственных восстаний зачастую находят креативные и неожиданные способы справиться с неблагоприятными условиями, что подводит нас к заключительному моменту.

6. Репрессии затрудняют проведение всех диссидентских кампаний, однако не всегда определяют выбор в пользу ненасильственного сопротивления или его исход.

Существует распространенное мнение о том, что ненасильственное сопротивление может развиваться и даже может быть успешным, пока противник ведет себя вежливо и деликатно. Но в тот момент, когда противник перестает церемониться, ненасильственное сопротивление становится невозможным и бессмысленным.

Мы касались этого вопроса в нашей книге, вышедшей в 2011 году, но существуют более недавние работы на эту важную тему.

Говоря о том, влияют ли жестокие репрессии на возможность возникновения ненасильственного сопротивления, [Уэнди Перлман](#) в своей замечательной книге о палестинском национальном движении утверждает, что одними репрессиями нельзя объяснить, почему движение из ненасильственного превращается в насильственное. Перлман пишет, что во время ненасильственной фазы первой палестинской интифады репрессии были такими же жестокими, как и во время нескольких насильственных фаз сопротивления. По мнению автора, лучшим объяснением поворота в сторону насильственных методов борьбы является уровень сплоченности. Пока движение обладало коллективным видением, лидерством и четким набором внутренних норм и правил, оно было способно опираться на ненасильственные методы сопротивления вопреки продолжающимся репрессиям со стороны израильского правительства.

Исследователи Джонатан Саттон, Чарльз Бутчер и Исак Свенссон [также указывают](#) на структуру и организацию движения как на важные факторы, определяющие жизнеспособность кампании перед лицом репрессий.

Основываясь на количественных данных, они утверждают, что, когда государство прибегает к одностороннему насилию или массовому убийству невооруженных демонстрантов, в долгосрочной перспективе демонстранты все же могут добиться успеха, но только при условии, что они являются участниками большой скоординированной кампании.

Конечно, некоторые исследования ставят под сомнение способность ненасильственной оппозиции бороться против сложно устроенных репрессивных режимов, особенно если в амбиции последних входят геноцид или политцид.

[Недавняя работа](#) Кристофера Салливана, посвященная систематическому уничтожению левой оппозиции органами безопасности Гватемалы в период с 1975-го по 1985 год, является предостережением относительно сложного устройства и целеустремленности некоторых режимов. Таким же

предостережением было жестокое и преднамеренное убийство представителями режима Башара Асада мирных демонстрантов после протестов в Дераа в марте 2011 года, что стало леденящим кровь напоминанием о том, почему массовые ненасильственные кампании заканчиваются провалом почти так же часто, как приводят к успеху.

Но с другой стороны сложно предугадать, когда подобному репрессивному государственному аппарату удастся принудить своих подчиненных к полной лояльности перед лицом массовых волнений даже в таком, казалось бы, невозможном случае, как с Сирией. Более того, в своей работе, которая скоро увидит свет, Ли Смити, Лестер Куртц и соавторы приходят к выводу, что репрессии против невооруженных демонстрантов часто приводят к обратному эффекту, вызывая еще больший общественный резонанс, привлекая в ряды движения новых участников, вызывая поддержку среди представителей сторонних сил и провоцируя представителей органов безопасности переходить на сторону движения. Более того, всплески репрессий часто приводят скорее к возникновению, чем к завершению ненасильственной кампании. В качестве примера бесчеловечной жестокости, приведшей к волне поддержки, сострадания и росту числа сторонников движения за гражданские права в США, можно привести убийство Эмметта Тилла.

В связи с празднованием Дня Мартина Лютера Кинга мы хотели бы напомнить нашим читателям этот поучительный отрывок из его «Письма из бирмингемской тюрьмы», полный текст которого можно найти [здесь](#):

«Друзья мои, я должен сказать вам, что без решительного, законного и ненасильственного давления мы не имели бы ни одного завоевания в области гражданских прав. Как это ни печально, то, что привилегированные группы редко отказываются от своих привилегий по доброй воле, является историческим фактом. Отдельные люди могут нравственно прозреть и добровольно отказаться от несправедливо занимаемого положения, однако, как напоминает нам Рейнгольд Нибур, группы склонны к более высокой степени безнравственности,

чем индивидуумы. По горькому опыту мы знаем, что угнетатели никогда добровольно не дадут свободы угнетенным — ее нужно потребовать».

Конечно, Кинга интересовала и нравственная, и прагматическая сторона ненасильственного сопротивления. Однако не стоит недооценивать его прагматизм, как подчеркивает [Джонатан Ридер](#) в своей книге о бирмингемском письме.

Разумеется, мы еще многого не знаем о ненасильственном сопротивлении: это новое явление, изучением которого общественные науки занялись сравнительно недавно. Тем, кто пытается противостоять тирании, может помочь более методическое изучение того, когда и как вести ненасильственную борьбу в различных ситуациях. Политикам, пытающимся справиться с различными вызовами - от возвращения авторитаризма до непрочности государства и насильственного экстремизма - будет полезно лучше разбираться в том, когда и почему ненасильственные движения приводят к успеху и в чем заключается эффективная поддержка ненасильственного сопротивления.

В нынешнем десятилетии, когда люди прибегают к ненасильственному сопротивлению больше, чем когда-либо раньше, исследователям и участникам было бы полезно обратиться к прагматичной и принципиальной мудрости Ганди и Кинга в определении дальнейших действий.

Эрика Ченовет - профессор Школы международных исследований имени Джозефа Корбела в Университете Денвера. Она является соавтором блога «[Политическое насилие одним взглядом](#)» и периодически публикуется в блоге «[Обезьянья клетка](#)». [Мария Дж. Стефан](#) - старший эксперт Американского института мира и приглашенный старший эксперт Атлантического совета.